

Литературные известия

№ 6 (252)

Июнь 2026

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня
в номере:

Атланты литературы

*

Литературная жизнь

*

Новинки издательства
«Вест-Консалтинг»

*

Проза

*

Фотопозия

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»**

**РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 23 ГОДА**

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!**

Портрет Ивана Андреевича Крылова.
Художник Эггинк И. Е.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844), замечательный русский поэт, великий баснописец, уже при жизни был признан классиком отечественной литературы. Основной смысл своего творчества он видел в служении «истине святой», народу, людям, «чтоб не ослабить дух» и «не испортить нравы», «не разлучить их с простотой»:

Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них
не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам
(«Червонец»)¹

«Славный Крылов», — так называл его А. С. Пушкин (1799–1837). Поэт обосновывал мысль о народности баснописца, закономерно считая его представителем духа русского народа. Пушкин подчеркивал: «отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»² — черты, присущие басенному творчеству Крылова.

Вот почему в особом представлении прославленный баснописец не нуждается. Более двух столетий он известен как «дедушка Крылов» каждому с детства — всем, кто говорит и читает по-русски. Так его стали именовать и называют до сих пор — с легкой руки поэта-остроумца князя П. А. Вяземского (1792–1878) стихи которого о Крылове «На радость полувековую / Скликает нас веселый зов...» были даже переложены на музыку и исполнялись как песня с припевом: «Здравствуй, дедушка Крылов!»:

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль;
Он баснями себя прославил,
И слава эта — наша быть.

СМЕТЯ ПЫЛЬ ПОРОКОВ...

(ТВОРЧЕСТВО И СУДЬБА И. А. КРЫЛОВА)

И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят³.

Стихотворение прозвучало 2 февраля 1838 года на торжестве в честь 50-летия литературной деятельности Крылова. Этот юбилей, согласно справедливой оценке В. А. Жуковского (1783–1852), отмечался как «праздник национальный; когда можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет».

Поэт-романтик в приветственной речи горячо благодарил баснописца: «за наших юношей, которые с вашим именем начали и будут начинать любить отечественный язык, понимать изящное и знакомиться с чисто мудростью жизни»; «за русский народ, <...> в стихотворениях своих вы так верно высказали его ум и с такою прелестью дали столько глубоких наставлений»; «за знаменитость вашего имени; оно сокровище отечества и внесено им в летопись его славы».

История подтвердила справедливость этих слов. Крылов, мудрый, ироничный и в то же время добродушный, как «простосердечное дитя»⁴, для каждого из нас словно и впрямь родной дедушка, рассказывающий затейливые поучительные истории, важные для становления нравственного чувства, для развития души и ума:

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И Боже сохрани, как худо!
(«Обезьяны») (3, 21)

Однако мало кто сейчас назовет более двух-трех басен (в основном это хрестоматийные «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Волк на псарне»), пройденных когда-то еще в среднем звене школы. Именно там за Крыловым укрепилось представление исключительно как об авторе, писавшем для детей.

Между тем его творческое наследие столь обширно и содержательно, что начинает открываться человеку лишь по достижении определенного жизненного и читательского опыта. Постигать глубины крыловских аллегорий можно бесконечно. Так же, как и русскую классику в целом, основанную на вечной истине евангельских заповедей, где за знакомым и привычным всякий раз обнаруживается новое, еще не изведенное.

Недаром сложил Вяземский эти поэтичные строки о Крылове:

Где нужно, он навесь умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело⁵.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (в миру — князь Дмитрий Алексеевич Шаховской) (1902–1989) справедливо утверждал: «Крылов проникает в самую глубину жизни, и голос его звучит подлинным пророчеством»⁶.

Такова пророческая басня «Безбожники»:

Был в древности народ, к стыду земных племен,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамен,
Кто с луком, кто с пращей, шумя,
несутся в поле (3, 30).

Обезумевшие люди восстают против Бога, подстрекаемые вконец осатаневшими вожаками:

Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор
каменьями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов (3, 30).

Но даже на такое воинствующее кощунство в ответ нет мгновенной кары свыше, хотя «к убеждению бунтующих» святотатцев было бы «не худо»

Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом
<землетрясением. — А. Н.-С. > гром,
Или хоть каменным ударить в них дождем.
«Пождем» (3, 30).

По беспредельному всевышнему милосердию «богомязежным» грешникам дается свободная воля, свободный нравственный выбор, чтобы иметь время опомниться, раскаяться в своих заблуждениях, обратиться к Богу. Отсюда это: «Пождем». Но «если не смиряются <...> Они от дел своих казнятся».

Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск
богомязежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.
Плоды неверия ужасны таковы (3, 30).

Крылов утверждает, что рано или поздно богоотступникам всех мастей и званий не избежать справедливой кары за их несправедливые деяния.

Свои суждения поэт облакал в аллегорическую, завуалированную форму, которую сам нарекал «истиной вполоткрыта». О сущности этой крыловской необычной формулировки размышлял архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): «Есть пророки, которым дано "истину царям с улыбкой говорить". И. А. Крылов не был таким поэтом-пророком. Он скорее подобен восточному мудрецу, загадывающему людям загадки, чтобы людей этих научить и вразумить. Истину своего литературного служения он сам назвал "истиною вполоткрыта". Было бы неверно думать, что истина "вполоткрыта" есть полуправда. Нет, это полная истина, только "засвеченная малым огоньком", чтобы не поранить больных, привыкших к нравственной тьме и к полутьме, душевных глаз человека, не выносящих яркого света»⁷.

Окончание на стр. 7

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Люблю такие стихи. Звонкие, нежные, воздушные, в которых простота формы сочетается с глубоким философским подтекстом. Стихи, отзывающиеся эхом того внутреннего лада, в котором отражается чистота и строй собственных чувств поэта.

Дело вовсе не в образовании, хотя у автора их два (музыкальное и литературное), и одно прекрасно дополняет другое. Можно окончить Литературный институт, но периодически являть миру нечто унылое. А можно — как Наташа Кинугава (да, это псевдоним!): с обманчивой легкостью говорить о том, что мир прекрасен, несмотря ни на что. Можно признаваться в любви к суровому северу на манер классической японской поэзии, где поэт не называет чувство, а лишь создает образ, который вызывает у читателя цепочку личных ассоциаций и оставляет глубокое послечувствие:

Тебе моя песня, о север!
Восходит солнце (а потом садится)
Из-под твоих — да-да — твоих!
тяжелых век...

Хайку — это недостроенный мост: читатель должен достроить его в своем воображении, чтобы перейти к смыслу. А чего вы еще хотели от автора, спрятавшегося за японской фамилией? Ее поэзия не ведет за руку, а лишь указывает направление, оставляя пустоты, которые читатель заполняет собственным бытием...

Когда у тебя все внутри спокойно и ты в ладу с миром — это и есть гармония. А если при этом еще и жизнь кажется классной штукой, то это уже оптимизм. При этом поэт (как ее зовут по-настоящему — не скажу, добро пожаловать в поисковик!) не впадает в «невроз позитивизма»: гармония — это не значит «лучше» или «правильнее», чем трагедия. Это просто другой, но такой же глубокий и важный способ смотреть на вещи. Человек может видеть мир либо через призму трагедии, либо через призму гармонии — и оба эти взгляда абсолютно равноправны. Наташа Кинугава выбирает свет. И в этом свете купает своего читателя.

Полет для нее — естественное состояние человеческой души, такое же, как дыхание:

Однажды по небу летел самолет.
И был он похож на лед.
Он таял и таял в синеющей мгле,
А в том ледяном корабле

Теплейшие люди тянули винцо,
К окну повернув лицо.
И ангелы хлопали их по плечу,
И каждый шутил: «Лечу».

В строках чередуется разное количество безударных слогов между ударными. Это создает эффект «свободного полета», идеально соответствующий образу самолета. Появление ангелов и их фраза «Лечу» окончательно смещает повествование в область мифа. Они здесь выступают не как грозные вестники, а скорее проводники или даже собутельники, разделяющие этот странный полет. Их хлопки по плечу — жест одобрения и товарищества: от земли до неба не так уж и далеко, как пишут в священных книгах...

Звонкие и мягкие «л» умиротворяют читателя. Если говорить просто, эта буква олицетворяет все хорошее: доброту, легкость и умение чувствовать и отдавать. Она как бы сглаживает все шероховатости. Да, у нее есть острая верхушка, которая может «уколоть». Но зато она твердо стоит на ногах, широка и надежна, на нее всегда можно опереться. Стоит разобраться в символике буквы «л», послушать разные оттенки содержащих ее слогов (здесь их много: струится «ле», будоражит «лед» и т.д.) — и поймешь, что такое настоящая любовь, как правиль-

Наташа Кинугава Из одного сна...

Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

но пользоваться властью и в чем заключается настоящая сила. Поэт колдует, тасуя звуки и смыслы... В итоге перед нами не просто зарисовка из иллюминатора, а притча о принятии жизни во всей ее высоте, холоде и тепле одновременно.

А вот сюрреалистическая медитация, написанная верлибром, что позволяет автору ловко управлять интонацией:

Внимание, внимание!
Говорит тишина.
Говорит и показывает,
Говорит и показывает...
В ней столько любви,
А вы и не слышите.
А вы и не помните,
А вы и не дышите...

Ритм задается не метром, а синтаксисом. Тревога — крик — восклицание — точка. Повтор фразы «Говорит и показывает» создает эффект заевшей пластинки, подчеркивая тщетность попыток донести истину: нет пророка в своем Отечестве... Вспоминаем советский телеэкран: звучит самая знаменитая фраза, которую все слышали по телевизору перед началом чего-то очень важного. Когда начинали показывать парад на Красной площади или другое большое событие, диктор величественно произносил ее. Эти слова мгновенно настраивали зрителя на торжественный лад, оттеняя историческую значимость и сакральный статус происходящего на экране.

...Перед нами явно не зумер, отчего так и хочется спросить у поэта: как вам это удалось? Пережить распад страны, встроиться в новую формацию — и при этом не потерять бодрости духа? Ответ лежит на поверхности: ключевое слово в этом стихотворении — все та же «любовь»...

Мягко обрыв строки: в финале стихотворения смерть не называет себя, но читателю от этого не легче. Поэт переворачивает мир с ног на голову. Тишина у нее — не просто отсутствие звука, а живое существо, полное сострадания к людям. Она как телевизор: показывает нам всю эту любовь, красоту мира. А мы? Мы ее тупо не слышим. Не помним о ней. И даже дышим на автомате, не замечая жизни. Как же мы так — это упрек! — вечно куда-то бежим и ничего вокруг не видим?! Так и жизнь проходит...

Основную нагрузку стихотворения несет на себе пунктуация. От восклицательного знака поэт переходит к многоточиям. От энергичного призыва — к монотонному повтору

и рубленому финалу. Наташа Кинугава вообще любит многоточие. Она даже помещает его в название книги, видимо, как знак того, что ничто в мире не является незабываемым.

Да неужели у нее ничего не болит?.. Скептик ухмыльнется, но за недостатком аргументов вынужден будет признать поражение. Хотя в начале некоторых стихотворений и слышится печаль, когда автор являет нам метафору пограничного состояния души — между забвением и памятью, смертью и жизнью:

Я пытаюсь вспомнить голос,
Я пытаюсь вспомнить жизнь,
И февральских веток голых
Оживающую высь...

Лирическая героиня Наташи Кинугавы не повествует, а пытается ухватить ускользающие воспоминания, и форма стиха это напряжение передает: конец зимы, самое холодное и мрачное время. В нем уже зреет весна, но до солнечных дней еще далеко... Может быть, сейчас женщина наконец-то заплачет? Может, признается: сурова зима, холодно, промозгло... Не тут-то было:

Рысь моя, иль ты приснилась
Мне, а может, я тебе?
Оживающая милость
В этой пляске-молотьбе...

Рысь — красивое созвездие. И страшный зверь, не дай Бог столкнуться с этой кошкой... Вопрос «иль ты приснилась / Мне, а может, я тебе?» переворачивает реальность, ставя под сомнение само существование прошлого. Было или не было?.. Однако сомнение лирической героини уравнивается мощной метафорой: молотьба — это процесс обмолачивания зерна, тяжелый труд, который отделяет суть (зерно) от шелухи. «Пляска-молотьба» возникает перед нами как образ жизни — яростного, хаотичного процесса, в котором только через боль и борьбу рождается нечто по-настоящему ценное.

Это праведная боль... Перекрестная рифмовка создает ощущение одновременно и стройности, и сбивчивого, прерывистого дыхания. Когда женщина успокаивается, ее настроение меняется: прочь, уныние! Разогнав обилие свистящих и шипящих, в тексте оживает сладостный «л», появляется простор для читательской мысли в виде выстраданного многоточия, и строку «встряхивает» жизнеутверждающий восклицательный знак:

Как же боль была красива,
Как печаль была сладка!
Оживи скорее, сила,
Не ушла ведь с молотка...

Боль трансформируется в нечто большее: опыт. Стихотворение строится на сложной системе метафор и символов, создавая многослойное смысловое поле:

Мой зверинец, мой старинный
Зоосад — свисти, рычи!
Чтоб февраль в своих витринах
Пас Луну в своей ночи...

А в конце поэт рисует мощную картину: пусть даже самый холодный и мертвый месяц — февраль — станет живым настолько, что сможет пасти Луну в ночном небе. Это значит: он победил забвение. Заставил прошлое сиять снова...

Короче, я настоятельно рекомендую к прочтению эту книгу. Она возвращает нам чувство полета.

Ольга ЕФИМОВА

РЕПЛИКА

КАК МЫ ВЕДЕМ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ

Всю жизнь — с детских лет, которые прошли в благословенном Советском Союзе — езжу в общественном транспорте: в метро, электричке, автобусе, троллейбусе, трамвае...

Что было хорошего в советском транспорте?

В советском транспорте не было пассажиров с мобильными телефонами. Люди ехали и ехали, читали газеты или общались друг с другом.

Теперь пассажиры общаются с телефонами. Громко. Долго. Обо всем на свете, включая личную жизнь. Не замечая никого вокруг.

Как на это реагировать? Не знаю. Я грустно молчу. Если есть возможность, пересаживаюсь на другое место — где люди менее разговорчивы...

Очень любят теперь пассажиры есть и пить кофе в метро — в специальных картонных стаканках... Обливают

друг друга. Потом извиняются. Так получилось. Но ведь нам некогда. Мы торопимся. Все на ходу.

Есть еще одна весьма распространенная категория пассажиров. Это те, кто обожают закидывать ногу на ногу, напри-

мер, в переполненном метро... То, что они могут испачкать других пассажиров, этих граждан не волнует. Ведь так удобно. Круто. На американский манер.

И, конечно, самые интересные люди — это люди, которые в набитом транспорте не стесняются положить на соседнее место свою сумку... Не себе на колени, а именно на соседнее место. А другой человек пусть стоит. А что? Главное, что нам хорошо.

Кто-то (школа, родители, СМИ...) должен объяснять людям самые простые правила поведения... Но, похоже, никто этим не озабочен. И ездить в общественном транспорте становится все печальнее и печальнее. И жить как-то все труднее и труднее.

Евгений СТЕПАНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

СОСТОЯЛОСЬ ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

15 мая 2026 года в конференц-зале редакции журнала «Знание — сила», состоялось заседание членов Секретариата Союза писателей Москвы, которые обсуждали свои текущие дела, проблемы и планы. «И вот опять», как сказал бы знаменитый афорист... Они собрались здесь. И первым пунктом, который стоял у них на повестке дня, было печальное известие о Зое Богуславской, которая отдала Богу свою душу. Председатель СПМ **Евгений Сидоров** прочитал вслух текст, посвященный Зое-Озе и приготовленный для прессы и соцсетей, — «Памяти Озы»:

“Триумф”, самой авторитетной негосударственной награды за высшие достижения в области литературы и искусства.

Имя Зои Богуславской вписано в историю нашей культуры. Она была старейшим членом нашего писательского Союза. Провожая ее, мы низко склоняем головы и произносим: Свет и Память!

Секретариат Союза писателей Москвы
15 мая 2026 года».

«На сто третьем году жизни скончалась Зоя Борисовна Богуславская, знаменитая Оза поэта **Андрея Вознесенского**, сама ставшая легендой художественной сцены нашей страны. Прозаик и эссеист, критик и искусствовед, он создавала вокруг себя блестящую ауру творчества, ее камерное пространство распространялось на всю страну. Именно ей мы обязаны созданием негосударственной премии

Все присутствующие почтили память Зои Борисовны.

Вторым пунктом повестки дня был прием журналиста и прозаика **Надежды Ажгихиной** в Секретариат СПМ, по рекомендации Первого секретаря **Игоря Харичева**, за это проголосовали единогласно. Надежда Ажгихина сердечно всех поблагодарила. Затем выступила технический секретарь **Ольга Голованова**. Она говорила о наболевших проблемах, связанных со стипендиями, материальной помощью для членов СПМ и с офисом Союза в Доме Ростовых...

По другим пунктам повестки дня и по пункту «Разное» выступили другие участники заседания. **Элина Сухова** сделала сообщение о питерцах, которые большой группой влились в СПМ, а **Галина Нерпина** — о готовящемся новом номере альманаха «Кольцо А», куда войдут избранные произведения членов СПМ. **Лола Звонарёва** принесла с собой журнал «Литературные знакомства» и пообещала, что новый выпуск появится под флагом СПМ. Выказались по затронутым темам **Александр Себелев**, **Евгений Лесин**, **Николай Папирный** и **Евгений Степанов**, который регулярно печатает в «Литературных известиях», в «Поэтограде», в «Детях Ра» стихи и прозу авторов разных союзов писателей, в том числе и материалы о заседаниях Секретариата СПМ.

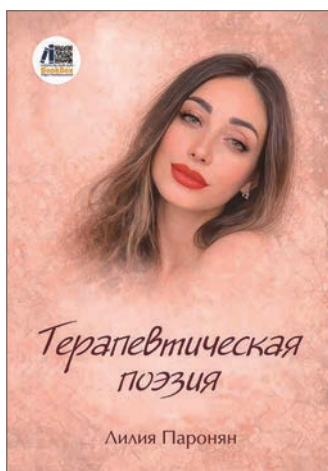
«Будем жить и работать дальше!» — оптимистично сказал Евгений Сидоров и пожелал всем здоровья и успехов в творчестве. И выпил за это «Онежской» минеральной воды с пастиллой. Все последовали его примеру. А затем — по традиции — сфотографировались на память, для истории.

Нина КРАСНОВА,
фото Натальи ШАНИНОЙ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лилия Паронян
Терапевтическая поэзия

Краснодар, Издательский дом «BookBox», 2026

Основоположница собственного метода терапевтической поэзии, практикующий детский психолог и автор четырех книг, Лилия Паронян вдохновляет личным примером, как в тридцать пять лет, в разгаре успешной бухгалтерской карьеры, можно кардинально сменить направление деятельности и раскрыть в себе новые творческие грани, преодолевая внутренние барьеры на пути к подлинному самовыражению.

Перед нами не просто очередной сборник стихов, а полноценное терапевтическое пособие, соединяющее теорию с практикой, а психологию со стихосложением. Книга предназначена как для практикующих психологов, желающих испробовать новый метод при работе с клиентами, так и для широкого круга читателей, которые без специальной профессиональной подготовки при желании могут освоить инструменты стихотерапии в целях самопомощи.

Как и полагается хорошему психологу и многогранной творческой личности, Лилия Паронян, прежде чем претендовать на создание собственной методики, в течение восьми лет детально изучала стихотерапию на себе, проводя большую внутреннюю работу и структурируя собственные чувства на бумаге. Она с детства проявляла равную склонность как к точным наукам, так и к гуманитарной сфере, однако строгое воспитание в традиционной армянской семье на долгие годы притушило творческие порывы, а излишняя критика первых проб пера взрастила неуверенность в себе и страх публичных выступлений. Под влиянием отца она всецело посвятила себя математике, став со временем квалифицированным бухгалтером с многолетним стажем. Но и в гармонии цифр она продолжала слышать поэтическую мелодию и вопреки выработанным внутренним запретам по-прежнему стремилась душой к тонким материям художественного слова.

Накопившиеся вопросы без ответов и сумбурные личные переживания, требующие осознанной рефлексии, в расцвете лет стали для Паронян решающим толчком к получению второго высшего психологического образования, которое, в свою очередь, дало ей заветный ключ к пониманию собственного «я».

«Для меня психология — база и основа моего творчества, поэтому и все мои стихотворения выстроены на основе внутреннего мира души, психики. Именно благодаря этой профессии я смогла структурировать и систематизировать свои поэтические изыскания, создав метод, который может помочь другим людям в самопознании и решении психологических проблем», — поясняет автор в теоретической части книги.

Я чуточку испанка с дружелюбной начинкой,
Пропитанная сиропом из щедрости русской.
Я смазана до корки армянской покорностью
И украшена яркостью грузинской природы.

Лилия Паронян — «человек мира», глубоко впитавший сразу несколько культур: армянка по национальности, она родилась в Грузии, выросла в России, жила в Испании, а сейчас живет в США. Оттого и ее новая книга «Терапевтическая поэзия» обращена к интернациональной аудитории и издана в формате билингвы-перевертыша, одновременно на русском и английском языках.

Главная изюминка книги в том, что Паронян не просто излагает теоретические основы стихотерапии и не только делится личным творчеством, а буквально дает читателю пошаговую инструкцию к самостоятельной творческой работе со своим внутренним миром.

Автор выводит формулу терапевтического стиха: проблема/ситуация — анализ/рефлексия — сознание/принятие/действие. Таким образом, стихотерапия перестает быть спонтанным, хаотичным излиянием эмоций и превращается в структурированный диалог с самим собой и через себя — с окружающими. Не менее важен принцип безоценочности: («Я чувствую себя одиноким» вместо «Ты меня игнорируешь»). Это позволяет перевести фокус с обвинения в адрес внешнего мира на исследование глубин собственной души.

Особого внимания заслуживает глава, посвященная метафоре. В отличие от традиционной поэзии, где метафора служит эстетике, в методе Паронян она становится рентгеновским снимком психики. Автор показывает, как за каждым поэтическим образом может скрываться защитный механизм

(отрицание, проекция), тип привязанности (тревожный или избегающий) или когнитивное искажение (катастрофизация, черно-белое мышление). Книга учит не просто чувствовать стихи, а разбирать их на психологические составляющие — как опытный механик разбирает двигатель, чтобы понять причину поломки.

Кто я?
Лишь маленькая частичка во Вселенной!
Лишь маленький свет среди планет!

Кто я?
Лишь посредник двух миров!
Лишь вспышка в чьей-то жизни!

Практическая часть сборника — стихи самой Лилии Паронян. И здесь читателя ждет, возможно, главное открытие. Автор не претендует быть классиком верлибра, и художественная составляющая здесь не является доминирующей. Ее стихи намеренно просты, исповедальны и безыскусны. Строки: «Та женщина, смелая, с заботливыми руками, / Оказалось мое Я в роли внутреннего родителя» или: «Травма наша — любимая душевная игра, / Продвигающая нас на путь развития» звучат не как выверенные художественные пассажи, а как живые реплики с сеанса психотерапии.

В этом и кроется исцеляющий эффект: читатель, даже далекий от литературы, перестает испытывать трепет перед «высокой поэзией» и начинает видеть в стихе безопасное и привлекательное пространство для выражения собственных чувств. Паронян создает эффект проекции: когда вы читаете ее строки о «поисках душевных осколков, разбитых во мне когда-то», вы невольно накладываете на них свою боль, свою историю. Возникает то самое чувство сопричастности и понимания: я не одинок в своих проблемах.

Как любой живой метод, стихотерапия Лилии Паронян вызывает и закономерные вопросы. Главный из них: не противоречит ли терапевтическое препарирование стиха непостижимой магии истинной поэзии? Но ведь сам автор честно предупреждает: ее метод не про создание стихотворных шедевров, а про самопомощь и самопознание. Автор разрешает себе и другим раскрепощать внутреннее «я» через несовершенные, но честные стихи, выговориться о наболевшем, осознать истоки и найти решения. И если вы так же ищете в личном творчестве прежде всего облегчения собственной души — эта книга для вас.

Марианна МАРГОВСКАЯ,
член Союза писателей России

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Тонко — как морозный узор на стекле — организованный стих: графический и живописный одновременно:

Я у окна.
В аквариуме рядом рыба
стекло губами лижет —
к раздаче пищи время движет.
А за моим стеклом
искрит все бликами от льдинок —
в них превращаются снежинки,
пока с небес к земле летят.

Книга Анатолия Малкина «Инструкция для выживших», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», наполнена сочной образностью, словно рожденной из онтологического опыта бытия и отзвуков бытийных ощущений.

Абсолютно своя, узнаваемая интонация — как знак поэтической подлинности; строки разных размеров: всякое стихотворение дышит, шевелится, живет, переливается красками.

Опыт суров, шероховат, занозист:

Когда отцы отмыли лица
От смертной копоты
Водицей.
И свежим белым наладившись,
С мечтою давней крепко слившись,
Как вновь назначенные Боги,
Нас отправляли прямо в свет,
Где знали точно — счастья нет.
Детей разруги и страданья,
Детей последнего отчаянья,
Детей надежд пятидесятих,
Худых насквозь,
В мечтах до пят.
Нас много было — тех ребят,

Что прорастали сквозь страну,
Деля с отцами седину.

Мы принадлежим памяти в больше мере, нежели она —
нам, и она, подсказывая, что выбрать для чеканки или отливки
стихотворения, диктует свои условия.

Поэт, соглашаясь с ними, только находит единственные
слова, лежащие в смысловые ячейки.

Точные — почти математические — формулы жизни:

Я не знал никогда,
что сумеет так быстро
поменяться местами

Анатолий Малкин Инструкция для выживших

М.: «Вест-Консалтинг», 2026

начало с концом.
И что в утренней песне
заводного горниста
я расслышу печальный,
угрюмый тромбон.

В моем начале — мой конец! — рокошет зычным отзвуком, сентенция, определяя философию бытия.

Относиться спокойно?

Поэзия Малкина иногда вспыхивает уместным пафосом, но в основном она стоического окраса, все надо принимать, все дается для опыта души.

Поэт метафизически осмысливает основные феномены бытия: трусость, например, но — в сочетании с болью войны:

Трусость — это от рода?
Или от племени?
Или от времени,
когда пришлось со смертью повстречаться?

Мне было семь.
Когда
Прошедшая война меня нашла,
Изранив, как ей было вольно,
Все тело,
Взрослой болью.

Веревочно вьется оригинальный стих.

Сумма стихотворений, составившая книгу, представляет собой интересное чтение, оставляющее хорошее послевкусие, заставляющее возвращаться к этим стихотворениям, строкам и строкам, вслушиваться в них, ловя сложную музыку поэтической судьбы.

Александр БАЛТИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Новая книга известной поэтессы Екатерины Яковлевой рассчитана строго на аудиторию 18+, и это обстоятельство только подогревает читательский интерес: эротика, будучи неотъемлемой частью человеческой культуры, была, есть и будет существовать. Она отражает естественное желание людей свободно выражать свои чувства, связанные с любовью: мечты, надежды и горести. Иногда кажется, будто перед нами универсальное проявление человеческого духа: даже матерная лексика, используемая нами в гневе, табуирована именно по тому, что прямолинейно отражает самые естественные состояния... И кстати, именно переживания, связанные с разбитым сердцем, часто порождают наиболее значимые произведения искусства.

В стихотворении «Темное искусство» страсть и смерть сплетаются в причудливый клубок, распутать который не представляется возможным:

И снова ночь, я жду свиданья с нею ...
И с ним, переступая Смерти грани,
Как угли, в черном небе звезды тлеют,
Обрывки снов теряются в тумане.

Смотрите, сколько эмоций: ночь здесь — символ мистики и внутреннего размышления. Лирическая героиня находится в состоянии постоянного цикла повторений («снова»), ожидая встречи с ночью, которая обычно ассоциируется с покоем, сном и мечтаниями. Затем появляется темный персонаж — некто, кого девушка ожидает вместе с наступлением темноты. Предстоящее свидание подчеркивает идею преодоления грани жизни и смерти. Образ горящих угольков в ночном небе усиливает ощущение хрупкости и мимолетности всего сущего. Звезды призваны символизировать надежду и вечность, однако сравнение их с углями намекает на постепенное затухание света, что добавляет мрачных красок даже в броское, сияющее живописное полотно: нет на свете, наверное, такого символа, которое усталое женское сознание, истосковавшееся по любви, не истолкует в пользу своей картины мира...

Финальная строка передает хаотичность мыслей лирической героини. Ее воспоминания и мечты становятся расплывчатыми, подобно сновидениям, постепенно растворяющимся в ночной мгле. Туман символизирует неопределенность и невозможность удержать ясность восприятия: поэты-символисты трансформировали образ этого природного явления, превратив его в концентрированный символ, призванный раскрыть концепцию двоемирия. Следуя за символистами, Екатерина Яковлева развивает образ загадочности, мимолетности человеческой жизни на земле, его отчужденности и ощущении себя чужим в этом мире: что ждет эту женщину впереди — неизвестно: среди людей неуютно, но и за гранью не легче... Произведение наполнено чувством внутренней борьбы между надеждой и отчаянием, ожиданием чего-то значимого и осознанием неизбежности потерь. Но самое страшное в эмоцио-

нальной жизни женщины — это не тревога, а отсутствие чувств. Это состояние отражено в стихотворении «Бесчувственность», которое будто затягивает читателя в черную дыру:

Не слушать громогласной тишины стенанья,
Безвременье остановило счет,
В груди застыло мерное дыханье...
Из ниоткуда Он меня зовет...

Потеря способности испытывать эмоции, какой бы ни была ее первопричина, представляет собой серьезную опасность. Эмоции служат нам компасом в сложном ландшафте межличностных отношений и взаимодействий с внешним миром. Часто бывает так, что утрата негативных переживаний влечет за собой исчезновение и позитивных. Независимо от того, спровоцировано ли это стрессом или ошибочными убеждениями, человек может подавить в себе привязанность к кому-либо. Однако вместе с ней «отключается» и способность радоваться. Теряется жизненная энергия, желание вносить перемены и ставить перед собой новые цели.

Впрочем, бесчувственность — это всего лишь верхушка айсберга. Она возникает как защитный механизм от психического перенапряжения, но если не обращать на нее внимания, существует риск полной утраты чувствительности. Мы видим это в тексте и понимаем: бесчувственность отражает не саму личность женщины, а ее сложный опыт, с которым она пока не в состоянии справиться.

И доказательство тому — стихотворение «Обнаженная драма», в котором женскую хрупкость и ранимость увидит даже слепой:

Екатерина Яковлева Эротика

Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026

Перед тобою оголяю раны,
Снимая покрасневшие бинты,
Я — самое нагое из созданий,
Не прячущее страшной красоты.

Автор смело делится своей болью и страданиями с собеседником. Это проявление искренности и желания раскрыть свои чувства, даже самые трудные и неприятные. Такой подход акцентирует доверие и стремление быть понятой и принятой без условий.

Этот фрагмент иллюстрирует богатый внутренний мир автора, который отрывает свою душу перед другим человеком. Через метафору открытых ран и снятия повязок передается концепция глубокого доверия и принятия своих собственных эмоций. Такой акт самораскрытия вызывает уважение читателя, поскольку истинная красота зачастую прячется за болью и страданиями.

Гораздо страшнее звучит стихотворение «Сердце Космоса»:

Не дотронутся света лучи,
Этих сфер сторонясь, как изгоя,
Сердце Космоса мертво молчит,
Не желая нарушить покоя.

Автор создает образ холодного, безжизненного космоса. Это пространство, где нет тепла, света и движения. Все застыло в вечном покое, и даже «сердце» этого мира молчит, не желая ничего менять. Здесь царит одиночество и отчуждение. Печальное олицетворение — Космос наделяется сознанием и волей — делает абстрактный образ космоса более понятным, будучи дополненным социальной метафорой отверженности.

Перед нами философское произведение о пустоте и неприкаянности женщины в огромном, холодном мире. Вот ведь как бывает: откроешь книгу под названием «Эротика» в ожидании... сами понимаете чего, а сталкиваешься с одиночеством, сознательно отвергающим любое проявление бытия ради сохранения вечного, мертвенного покоя. Изменение привычного порядка слов («лучи света не дотронутся») придает строке торжественность и архаичность, усиливая ощущение эпичности происходящего: из какого века к нам пришла эта героиня? Куда направляется?... В ее пространстве нет света, тепла и движения.

Хочется верить, что перед нами всего лишь галерея художественных образов, потому что по-настоящему в этих состояниях долго находиться невозможно — как говорил кто-то из великих: «Если долго всматриваться в бездну, то бездна начнет всматриваться в тебя».

Надежда ДРОЗД

ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ И МУЗЫКЕ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ ДРАКА, КОТОРАЯ, СЛАВА БОГУ, НЕ СОСТОЯЛАСЬ

(ИЗ СЕРИИ «ЗЕМЛЯКИ»)

Евгений Степанов — Президент Союза писателей XXI века, Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», кандидат филологических наук, литератор. Живет в поселке Быково (Московская область).

Переулки у нас в поселке Быково узкие. Называются они проездами. Две машины сразу не проедут.

...Зима 2026 года была очень суровой, высоченные корабельные сосны стояли в снежных папах, точно видные деятели ЦК КПСС, все замело. Не пройти, не проехать. А тут какой-то умник поставил машину посередине нашего 6-го

проезда — и не обойдешь ее, потому что по обочине — снежные завалы.

Я шел в продуктовый магазин — в Дикси, он рядом с моим домом. Еле-еле протиснулся между машиной и снежным пригорком.

Пробыл в магазине минут сорок, купил две сумки провизии, возвращаясь назад, еле-еле волочу ноги, сил, когда тебе за шестьдесят, не очень много, а тут еще руки нагруженные... Иду — машина стоит на том же месте. И водитель, как ни в чем не было, сидит на своем важном водительском сиденье.

И так мне обидно стало, что не сдержался я и грешным делом ругнулся матом... Типа того, как мне все это надоело...

Ругнулся не по адресу водителя, а как бы в пространство, не упоминая никого конкретно.

А водитель меня услышал. И в ответ обложил трехэтажным матом уже меня. За дело, конечно. Нечего — ни при каких обстоятельствах — ругаться.

Но я уже вошел в раж.

— Что, что ты сказал?! — набычился я.

— Что слышал, вали отсюда, пока я не вышел из машины, — пошел в словесную атаку водитель, молодой мужик лет тридцати пяти.

Я не спустил ситуацию на тормозах. И дал ответку.

— Выходи из машины! — резко и решительно прокричал я.

Снял очки, положил их в карман пальто и встал боксерскую стойку, в которой не стоял уже несколько десятилетий.

— Зачем? Зачем выходить из машины? — немного растерялся парень.

— Дратся будем.

— Дед, остынь, — миролюбиво и великодушно пошел на попятную парень. — Я тут застрял. Твой сосед нерадивый меня пригласил в гости, но не предупредил, что у вас здесь такие заносы. Я уже эвакуатор вызвал, вот сижу, жду.

— А если я тебя подтолкну?

— Да не получается, уже ребята пробовали, ничего не получается. Мне самому это все не нравится. Вариант один: ждать. Скоро должен эвакуатор подъехать.

— Ну ладно, — сменил я гнев на милость, — Желаю удачи. Извини, что я ругнулся. Сам этого не люблю. Пусть будет все хорошо!

— Спасибо, — он улыбнулся в ответ.

И я пошел домой.

Хорошо, что я не струсил.

Хорошо, что парень оказался нормальным человеком.

2026

ЭТЮДЫ О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ

Рахманинов сказал все. И о любви, и о страдании. О России и мире.

Рахманинов для меня равновелик Бетховену. По-моему, это два самых близких друг другу композитора.

ЛАМА

Когда кумир моей юности Серж Лама исполняет великую песню «Je suis malade» (Я болен, я не могу без тебя... И т. д. Далее по тексту), у меня замирает сердце, я не знаю, как на эту песню реагировать. Не понимаю, почему Лама, далекий француз, знает обо мне все.

СЕВЕРНЫЙ

Аркадий Северный ни разу не был в советском ТВ-эфире. Аркадий Северный остался.

Не важно, как ты был признан при жизни. Важно — что будет потом.

ДМИТРИЕВИЧ. СУКАЧЁВ

Алёша Дмитриевич трагически поет: «Домой, в Париж, он больше не вернется...»

Гарик Сукачёв трагически поет: «Домой, в Москву, он больше не вернется...»

Мне понятны оба замечательных исполнителя.

ДЮТЕЙ

Ив Дютей (Duteil) поет «Prendre un enfant par la main» — а я думаю о своей внучке Катинке.

Я мысленно беру ее за руку, и мы гуляем в Кусковском парке, как раньше — с ее мамой.

Я беру ребенка в свое сердце.

Мне помогает мой друг Ив Дютей.

МУЗЫКА

Мои музыкальные пристрастия практически не изменились с детства.

В детстве я играл в оркестре баянистов-аккордеонистов и любил классику — Глинку, Чайковского, Рахманинова.

В отрочестве полюбил бардов — Берковского, Городницкого, французские концерты Высоцкого, Окуджаву. Инязовская юность — это тотальное увлечение французской музыкой. Лама, Брель, Брассенс, Далида, Азнавур, Дютей, Гензбур...

И сейчас я слушаю тех же самых авторов.

2012

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания Евгения Степанова «Диалог»

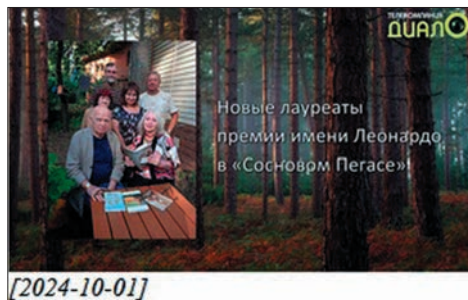
создает фильмы о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни

[2025-03-10]

[2022-11-10]

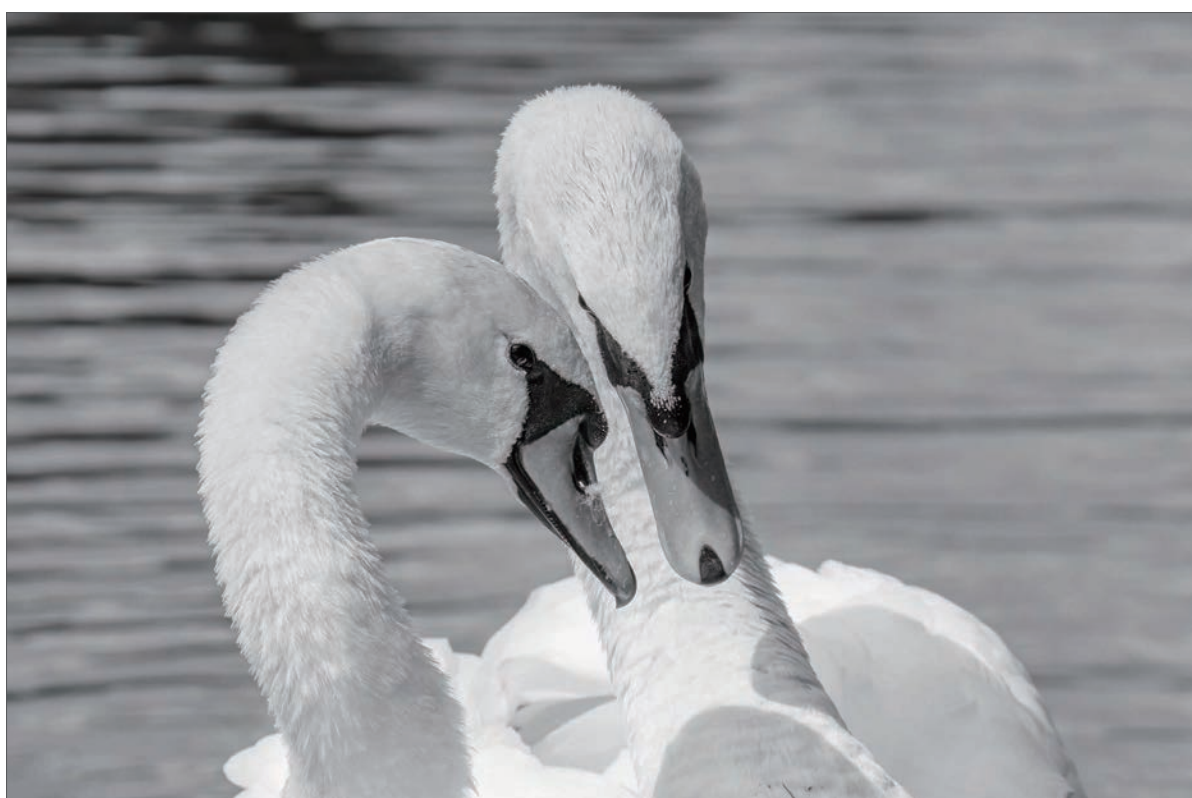

[2024-10-01]

[2026-03-04]

ИСКУССТВО

**ФОТОПОЭЗИЯ
ОЛЬГИ МИХАЙЛОВОЙ**

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

СМЕТАЯ ПЫЛЬ ПОРОКОВ...

(ТВОРЧЕСТВО И СУДЬБА И. А. КРЫЛОВА)

Окончание. Начало на стр. 1

В басне «Василек» скромный полевой цветочек почти увядает без света:

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины (3, 16).

Но еще теплится надежда на животворный солнечный луч:

Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило? (3, 16–17).

Земляной Жук — существо сугубо приземленное, занятое только своими узкими, утилитарными интересами и равнодушное ко всему остальному,— считая, что нежизнеспособный Василек недостоин милости, дает ему презрительно-высокомерный совет, обрекающий жалкое создание на гибель:

Так солнца ты своей докукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь! (3, 17)

Вопреки этому ограниченному бездушно-жестокому суждению, солнце одинаково дарит животворящий свет всем без исключения Божьим созданиям — могучим, и слабым, великим и незначительным:

Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило... (3, 17)

Здесь проявлена глубоко христианская позиция, выраженная в Евангелии: *«да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»* (Мф. 5: 45). В финале басни Крылов призывает богатых, власть имущих следовать этой новозаветной заповеди, уподобляться солнцу:

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли — благотворит равно,
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах —
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И все его благословляет (3, 30).

Однако здесь отразились эфемерные упования поэта на доброту, благотворительность, милосердие к угнетенным со стороны угнетателей, облеченных в *«высокий сан»*, сосредоточивших в своих руках все материальные блага мира, добытые путем несправедным. Служители не Бога, а мамоны определенно не могут исполнять Божьи заветы.
В то же время баснописец лишен каких бы то ни было иллюзий относительно истинных, а не мнимых достоинств так называемых «сильных мира сего».

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.
На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода
(«Слон на воеводстве») (3, 55).

Крылов не устает высмеивать горделивость, самонадеянность, чванливость, хвастовство высоким родом и званием:

В породе и в чинах высота хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа? («Осел») (3, 24)

Под прицел разящей крыловской сатиры попадают алчность, невежество, тупоголовость, бездумное подражание всему иноземному и множество других пороков дворянской аристократии и государственной бюрократии:

Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно все они перенимают («Обезьяны») (3, 21);

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнеенье:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места («Парнас») (3, 15);

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк
(«Петух и Жемчужное зерно») (3, 51).

Неправосудие также нередко становится объектом обличения в баснях («Волк и ягненок», «Оракул», «Щука», «Лев и Барс», «Лисица и Сурок» и др.):

Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора («Щука») (3, 179).

Крылов поднимает также тему коррупции в российской судебной системе:

И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол (3, 179).

«Приговор» подсудимой разбойнице Щуке, которая зараннее взятками обеспечила себе протекцию прокурора, хитроумно измышлен взяточницей Лисой. Под видимостью сурового наказания преступница Щука просто-напросто отпущена на волю, в прежнюю среду обитания, чтобы и дальше бесперебойно обеспечивать Лисицу рыбными дарами:

«Почтенные судьи!» — Лиса тут приступила:
«Повесить мало: я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно, и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно.
И Щуку бросили — в реку! (3, 180)

В басне «Лисица и Сурок» Лиса выступает уже в роли судьи — да еще в курятнике! Ситуация более чем красноречивая. Но Лисица — судейский коррупционер,— нахваливая себя, жалуется на судьбу, старается предстать безвинно оклеветанной:

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки!» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А все по клеветам» (3, 43).

Уличенная в преступлениях, каверзливая судья пытается привлечь Сурка в свидетели своей невинности:

«Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху» (3, 43).

Это «рыльце в пуху», прочно вошедшее в русский язык в виде поговорки (наряду со множеством афоризмов нашего баснописца, ставших крылатыми фразами,— недаром же их окрылил Крылов!), неискоренимо в общественной и бытовой жизни по сей день. По всей видимости, не исчезнет этот «феномен» и в необозримом будущем:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свести,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть (3, 44).

Судопроизводство в России «прославилось» принципом: *«кто одолеет, тот и прав»*:

Судиться по правам — не тот у них был нрав;
Да сильные ж в правах бывают часто слепы.
У них на это свой устав:
Кто одолеет, тот и прав («Лев и Барс») (3, 34).

Более того — кровожадные хищники всех мастей во главе с царем зверей Львом выставляют себя не только правыми, но едва ли не святыми:

Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы («Мор зверей») (3, 37).

Виноватыми, с точки зрения хищных зверей, оказываются существа самые смиренные и безобидные: *«У сильного всегда бессильный виноват»*; *«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»* («Волк и Ягненок») (3, 20–21).

И в людях так же говорят:
Кто помирней, так тот и виноват (3, 38), —
резюмирует Крылов свои жизненные наблюдения в басне «Мор зверей».

В знаменитой басне «Осел и Соловей» после туполобого ослиного вердикта вдохновенный пернатый певец поспешил скрыться подальше:

Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.
Избави, Бог, и нас от этаких судей (3, 56).

Под острое перо баснописца попадают реалии меркантильно-продажной действительности, в которой «Всяк споры затевает / О выгоде своей»:

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору? («Раздел») (3, 39).

Крыловские типажи, наблюдения и выводы не теряют своей актуальности, но — наоборот — становятся все более злободневными, узнаваемыми в современных реалиях:

Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше проведет,
И кто кого хитрей обманет («Купец») (3, 185).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
историк литературы

Примечания

1. Крылов И. А. Полн. собр. соч.: В 3-х т. — М.: ГИХЛ, 1946. — Т. 3. — С. 28. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. — М.: ГИХЛ, 1959–1962. — Т. 6. — С. 15.
3. Вяземский П. А. Стихотворения. — Л.: Сов. писатель, 1958. — С. 258–259.
4. Там же. — С. 258.
5. Там же.
6. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Религиозное сознание в русской литературе. Крылов // Беседы с русским народом. — М.: Ладья, 1998.
7. Там же.

РЕПЛИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА НЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

ПОЧЕМУ МЫ ТАК НЕ УВАЖАЕМ САМИХ СЕБЯ

В конце этого футбольного сезона произошло крайне неприятное и характерное для нашего спорта событие — отечественного (весьма успешного!) тренера заменили на заграничного.

Речь идет о футбольном клубе «Динамо», которое не продлило контракт с Роланом Гусевым, но заключило контракт с немецким тренером — Сандро Шварцем.

Попробуем сравнить достижения этих двух специалистов.

Вот краткий послужной список и биография Ролана Гусева. Он родился в 1977 году, на год раньше Сандро Шварца. Заслуженный мастер спорта России, трехкратный чемпион страны, обладатель Кубка УЕФА, выступал за сборную РФ.

Гусев принял «Динамо» в минувшем сезоне на 10 месте, а вывел команду на седьмое. Дошел

до полуфинала Кубка. Команда под его руководством обыграла и Zenit, и Краснодар... И была явно на подъеме. Стало очевидно, что динамовцам под силу самые высокие результаты.

И все-таки — отставка. Контракт не продлен.

Как болельщик «Динамо» с более чем пятидесятилетним

стажем воспринимаю это как нонсенс, как надругательство над здравым смыслом и унижение всего российского спорта.

Мы что, совсем не ценим наших специалистов, наших людей?

Ну, я понимаю, если бы «Динамо» возглавил Зидан... Или Симеоне...

Но возглавил команду специалист, который всю свою спортивную жизнь играл в Германии в командах н и з ш е г о дивизиона... Достижения в качестве тренера? Тут тоже ничего выдающегося. Да, Сандро Шварц привел «Динамо» к бронзе в сезоне 2021/2022 и дошел до финала Кубка... Но всего этого мог бы добиться и наш специалист — Ролан Гусев. Но ему не дали шанса проработать главным тренером хотя бы один сезон в полном объеме.

Я, конечно, желаю Сандро Шварцу и моей любимой команде больших успехов. Но я убежден, что Ролан Гусев был на своем месте.

И точно знаю: своих специалистов надо всячески поддерживать.

Евгений СТЕПАНОВ,

писатель, перворазрядник СССР по футболу

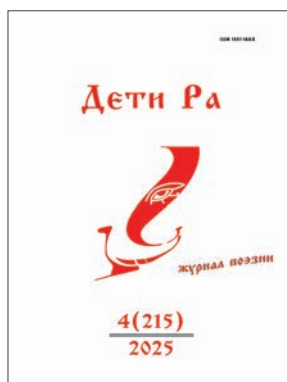

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

з а х о д и т е ! ч и т а й т е ! з а к а з ы в а й т е !

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД
ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Человек-амфибия».
3. Автор романа «Доктор Живаго».
9. Автор романа «Белеет парус одинокий».
10. Автор романа «Приключения Оливера Твиста».
12. Автор романа «Таис Афинская».
14. Автор романа «Анна Каренина».

По вертикали:

2. Автор романа «Обломов».
4. Автор романа «Дамское счастье».
5. Автор романа «Финансист».
6. Автор романа «Утраченные иллюзии».
7. Автор романа «Джейн Эйр».
8. Автор романа «Ярмарка тщеславия».
11. Автор романа «Идиот».
13. Автор романа «Остров сокровищ».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России

«Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Вера Киулина, Анатолий Малкин, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Юрий Поляков, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений magnific.com (freepik.com).

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 1832 Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007